

Александр Вяземка

**Товарищ Кот, английский жмот
и человек-патефон,**

**или Добро пожаловать
в Велкомбританию**

Александр Вяземка
Товарищ Кот, английский жмот
и человек-патефон, или Добро
пожаловать в Велкомбританию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18663992

ISBN 9785447482527

Аннотация

Наша глупость – продолжение нашей мудрости, как кишечник – всегда продолжение даже самых красивых губ. Именно поэтому от жизни со смыслом мы бежим к жизни с вещами, и лучшие умы человечества играют на бирже, а не ищут лекарство от бессмертия. В предлагаемом читателю романе самым тесным образом переплелись правда, похожая на вымысел, и вымысел, искусно маскирующийся под правду, сатира и философия обывателя, приправленные горечью смеха и угловатостью категоричностей...

Содержание

Предисловие. Рассказ кота Сашки	5
Глава 1. Рассказ Леонида Стоцкого, человека, желавшего лишь добра	15
Глава 2. Рассказ Кондора Фрауна, весьма многообещающего молодого человека	35
Глава 3. Рассказ Павла Доли, человека за рулем	49
Глава 4. Рассказ миссис Ватсон, встревоженной супруги мистера Ватсона	61
Глава 5. Рассказ Бориса Хиллтона, человека, полного разочарования	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

**Товарищ Кот, английский
жмот и человек-патефон,
или Добро пожаловать
в Велкомбританию
Александр Вяземка**

*Любые совпадения с реальными людьми
и событиями неслучайны.*

© Александр Вяземка, 2016

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2016

© Валерий Чупахин, иллюстрации, 2016

Корректор Алена Комарчева

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Рассказ кота Сашки

Не любим мы быть строгими к себе, товарищи. Ох не любим! А зря.

Ми-я-у! То есть, это... *приветствую тебя*, человеке, творение рук человеческих! Да пребудет мир в твоей жизни, голове и миске. В голове прежде всего, а то в последнее время слишком много голов оказались захламленными всякой ерундой. Чем именно? Да взять, к примеру, хоть ненависть. Мы ненавидим всех и вся. В принципе, этому не стоило бы удивляться, если бы мы, ненавидя всех и вся, не жаждали при этом всеобщей любви к нам самим.

Несчастья и трагедии других редко трогают человека. Ой и редко! Вокруг полно несчастных людей, которым нужно не так уж и много, чтобы вновь обрести счастье. Иногда просто улыбка может возродить в человеке желание жить дальше. Понимаете, *жить!* Однако жизнь простого человека – не нефтяные поля. Она никого не интересует.

Черствость – неизменная часть человеческой природы, что вполне объяснимо, если следовать теории Дарвина: когда-то мы были дикими зверьми, которым приходилось драться с прочими хищниками и друг с другом за еду и жизненное пространство. С тех пор наш мир наполнился вещами, и бьемся мы за них. Пускай мы опрятней пещерного человека, а одежда и речь наши – изящней, но, по сути, мы

те же люди, что когда-то охотились на мамонтов, что охотились на других людей. Да, *мы*. Вы не ослышались, ведь я...

– Да скока уже можно ворчать-то? Как прекрасен этот мир, посмотри!

Знакомьтесь: скока-спаниель нашего Хозяина. Долизал остатки запаха в миске и будет теперь лезть в наш разговор и трепать темы, в которых ничегошеньки не смыслит. Ему-то кажется, что как раз наоборот – очень даже смыслит. Научился, понимаешь, принимать позу роденовского Мышьлителя: сгорбится, прижмет лапку ко лбу – и думает, что все теперь знает. Но даже такой простачок, как он, не будет отрицать, что мир наш далеко не идеален.

– Да скока уже можно мечтать об идеальном мире? На что он нам? В идеальном мире и подраться-то не с кем. Ну, разве что с «Майкрософтом».

Если что нашему песику и по душе, так это драка! И при этом сам он добр и приветлив, словно падший демон. Ну хорошо, допускаю, мир прекрасен. Но не человек в нем!

– А вот Бог любит людей.

Что ж поделать? Он неисправим... А почему бы вот *людям* не любить людей? Люди, конечно, все братья. Но не всем и не каждому. Что есть человечество? Масса чуждых друг другу индивидуумов, которой до тебя не больше дела, чем собаке – до водорослей в аквариуме.

Я-то знаю: сам когда-то был человеком, каюсь, но однажды решил, что больше – ни-ни. Это очень удобно, что се-

годня каждое живое существо наделено конституционным правом выбирать себе по желанию пол, возраст и животный вид. Не знаю, как уж меня из человека в кота переделали, но в наши дни наука творит и не такое: вот, к примеру, в Австралии люди вверх тормашками разгуливают. Слышали, небось? Чудеса!

Так вот. Люди меня разочаровали. И однажды я сказал себе: стоп, мол, хватит, не хочу больше быть одним из них. Люди не могут сосуществовать друг с другом. Их личные амбиции постоянно сталкиваются с амбициями других. Даже между кошкой и собакой больше взаимопонимания и уважения, чем между людьми. Каждый мнит себя единственным и неповторимым и отвергает любой намек на то, что мир – всего лишь многообразие однообразий. К счастью, у нас, истинных детей Природы, амбиций нет. Нам достаточно уже миски супа, чтобы достичь гармонии с собой. И гармонии с жизнью в целом. А что еще нужно, чтобы быть счастливым?

– Быть бестактным бестактно. Быть глупым глупо. Но почему же быть занудным не занудно? Ну скока можно нудеть-то?

Вы тоже это слышали? Значит, мне не показалось? Да не зануда я, дружище Чаппи, а всего лишь пессимист. Это оптимисты смотрят на мир закрытыми глазами. Я же вижу всего его язвы. Не моя вина, если человечеству, чтобы подняться на следующую ступеньку лестницы моральных ценностей, необходимо искупаться в собственных помо-

ях и испражнениях. Прежде чем требовать уважения, человеку стоит сначала полностью осознать свою ничтожность. Так и быть, давай уж я, как более искушенный пользователь Жизни, дам тебе совет: занимайся своими делами. А все проблемы и недопонимания между нами, людьми, как действующими, так и бывшими, мы уж сами уладим. Вот так-то. Вопрос закрыт. Ты косточками своими занимайся. Все равно никто от тебя большего не ждет.

– Косточками... Да я хочу исследовать Жизнь! Понять ее смысл!

Во дает! Какой смысл думать о смысле Жизни, если в ней его нет? Если бы был, Жизнь не была бы таким ребусом. Как видишь, у меня готов вопрос на любой твой ответ.

– А у меня нету стока ответов на ваши вопросы, сударь. Нету.

Вот так-то: при правильной постановке вопроса ответ на него дать невозможно. Я всегда готов показать всяким умникам, кто есть кто, что есть что, и где есть где. Жизнь слишком коротка, чтобы успеть надоесть, и слишком длинна, чтобы сожалеть о ней. Такой вот жизненный смысл. Из-за того, что она такая короткая, крайне трудно жить завтрашним днем с сегодняшними проблемами. Если бы жизнь была вечной, у нее был бы смысл. Причем осязаемый и неотвратимый. Но ничто не вечно. Даже Космос. А вот интересно, вечно ли Время?

Поскольку ничего лучше, чем мир, который является фар-

сом, нам предложено не было, то, соответственно, принимать этот мир слишком уж всерьез не стоит. Наоборот, нужно привнести в него свою толику фарса. Вот и моя непростая задача сродни фарсу: я призван доставлять радость тем, у кого на радость аллергия. К примеру, нашему Хозяину, который в последнее время вновь превращается в брюзжащего ворчуна, которым когда-то был.

А... вот, кстати, и он сам. Бредет к нам в гостиную, надеясь хорошенько поразвлечься, и даже не подозревает, что просто наблюдать за ним – уже развлечение из развлечений! Каждый вечер он включает телевизор и, перебрав все каналы, со словами: «Так, я дал вам шанс, а вы его не использовали!» – выключает.

Вот он усаживается в кресле так, словно намеревается провести в нем вечность, и решительно хватается за пульт. Щелчок. Вытаращенный взгляд. Вот в кресле происходит шевеленье. Там ерзают и косятся украдкой на Хозяйку. В конце концов из кресла раздается стон:

– Опять эта Кира Найтли!

– Как ты можешь так говорить? Разве Кира Найтли может надоест? Она такая душка...

Это его жена.

– А ты не находишь, что от некоторых актеров уже спасу нет?

Опять щелчки. И вновь гримаса недовольства:

– Ну? И о чем этот фильм? Да ни о чем! Все эти «Хосте-

лы», все эти «От заката до рассвета» лишь доказывают, что, если у автора и есть деньги, это еще не значит, что у него есть воображение. Не говоря уже о таланте. А вот знаешь, очень правильно, что раньше была цензура. Консервативное искусство воспитывало личность, современное воспитывает быдло. Теперь сиськи в каждом фильме, независимо от того, нужны они по сюжету или нет. Сиськи теперь – канон «качества и полноты» фильма. Почему-то многие так называемые «деятели культуры» считают, что пошлость в культуре – это прогресс и необходимый этап. Без оголенных задниц сегодня никуда. Кризис идей, что в кино, что в музыке, что в художественном искусстве, что в театре. Поэтому на место Идеи сегодня выползает Попа на букву Ж. Раньше как было? Ты – звезда, если у тебя талант. А сейчас? Звезды те, кто готов выставлять свои прелести на всеобщее обозрение, пошлить, быть воплощением порока.

– Как насчет «Ван Хельсинга», дорогой? Тебе он, вроде... нравился...

– «Ван Хельсинг»? Это тот фильм, где Добро побеждает Зло не без помощи Предательства?

– Так Злу и надо, правда?

Весь ответ – обиженное молчание, сопровождаемое пощелкиванием кнопок на пульте и мельканием картинок на экране. Меня лично подобное молчание ничуть не удивляет: буквально на днях Хозяин высказался в том духе, что «Миссия невыполнима», «Форсаж», «300 спартанцев»

и «Ультиматум Борна» – это ультиматум гламурной мути остаткам хорошего вкуса в современном человеке. Если бы только Хозяин пронюхал, что фильмы в Голливуде снимают согласно канонам, установленным Вашим покорным слугой, Ваш покорный слуга остался бы без ужина.

Однако, кажется, пассаж о гламурной мути не оставил и следа в памяти Хозяйки. Иначе с чего бы ей сверлить муженька тем острым и недоуменным взглядом, которым обычно и сверлят муженьков? Но зря старается. Прimitивным сверленьем его не проймешь. Его мозг на ерунду не отвлекается. Он занят высокими материями. И занят настолько, что безудержная энергия, которая бьется в этом мозгу и рвется наружу, заставляет тело передергиваться каждые несколько секунд.

Казалось бы, уж детским телеканалам опасаться гнева Хозяина нечего, но сегодня явно не их день:

– После экранизации «Гарри Поттера» возрастные ограничения на фильмы ужасов потеряли смысл!

Теперь уже лицо нервно подергивается у Хозяйки. Надвигающаяся гроза ей ни к чему, поэтому она нежно похлопывает Хозяина по запястью, и дистанционное управление говорящими картинками переходит к ней.

– Ну, вот, – вздыхает она с облегчением. – «Евровидение». Пусть и кустарненько, но все ж гламурненько. Гораздо приятней и слуху, и глазу.

– Но не разуму. Это твое «Евровидение» – крупнейший

развод лохов всей Европы операторами сотовой связи. Вот смотри, раньше людей заставляли тратить немислимые суммы на сигареты. Табак-то мы победили, но теперь нашлась новая зараза – СМС. Как вам это нравится?

– Дорогой, посмотри на вещи с другой стороны. Современный мир дарит тебе самую удивительную свободу – свободу выбора. Его единственный недостаток в том, – Хозяйка пожимает плечами, как бы извиняясь за чужие недостатки, – что это мир поп-культуры.

– Эта свобода – свобода секты, и дается она при жестком условии: «Поклоняйся мне». Современная поп-культура составила свои собственные заповеди: укради, убий, прелюбодействуй... Мало что может дать тебе истинную свободу. С деньгами приходит свобода выбора. В затворничестве – свобода от нечестивых соблазнов. Разум... разум дарует тебе свободу моральных терзаний. Как видишь, созданный нами мир слишком несовершенен, если у этих свобод такая цена.

Сдается мне, на свете есть одно странное учение, приверженцем которого является Хозяйка. Учение это предписывает выпуск новостей в качестве успокоительного при симптомах раздражения, вызванного чрезмерным потреблением развлекательных программ. Но учение это ошибочное. Я повторяю: ошибочное! И это особенно заметно при освещении в новостях деяний нашего Премьера Ее Величества Королевы Британской.

– Господи... Господи!

Ну? Что я говорил? Не просто ж так название программы – «Бремя новостей»... Однако, похоже, сегодня происходят вещи посерьезнее, чем очередная провалившаяся попытка со стороны Премьер-министра стать всеобщим любимцем. Думаю, будет лучше, если вы сами услышите все из уст диктора:

– Добрый вечер. Вкратце об основных событиях дня. Клубы, вышедшие ранее из Футбольной ассоциации Англии в знак протеста против нового регламента, запрещающего футболистам быть рекламными тумбами, объявили сегодня о создании независимой профессиональной лиги. Для разрешения ситуации с клубами-отступниками и подавления беспорядков среди поддерживающих их болельщиков Правительство объявило о введении в ряде городов чрезвычайного положения и размещении в них войск и дополнительных подразделений полиции. Теперь к зарубежным новостям. На юге Афганистана продолжились столкновения между силами безопасности и силами опасности страны. Минувшей ночью были проведены аресты еще двух французских генералов, скрывавшихся на протяжении последних лет от Международного трибунала по бывшему Парижскому Округу...

В этот раз Хозяйка сама выключает телевизор. Причем с невероятной поспешностью.

– У меня сейчас приступ случится или что-нибудь еще в этом роде... Если, конечно, ты не против... – Хозяин, крайне бледный, пошатываясь, поднимается с кресла и шаркает

в спальню, где он постарается хоть на время забыться, отрешиться от мыслей об этом мире, оставив его на попечение Творца, вера которого в наш мир пока не иссякла.

Он исчезает за дверь спальни, но глаза мои прикованы к другой двери. Той, что ведет за пределы нашего дома. Через эту дверь до меня порой доносятся звуки и запахи, которые я когда-то знал, и будят во мне воспоминания, которые так хочется забыть навсегда...

Это дверь, за порогом которой и случилась эта история...

Глава 1. Рассказ Леонида Стоцкого, человека, желавшего лишь добра

То был счастливейший момент моей жизни. Мои волнение и радость были так велики, что я едва различал слова, доносившиеся до меня словно сквозь ватную стену:

– Согласны ли вы... – Старик почтенных лет, в каждой черте лица которого сквозила благожелательность, внимательно смотрел на меня через золотую оправу очков озорными глазами, в которых блестели искры веселости. – Согласны ли вы любить...

Согласен ли я!

– ...уважать, заботиться и беречь...

А то! И уважать, и заботиться. А уж как я буду беречь! Да и приумножать буду.

– ...до конца своих дней?

Да! Да! Да!

– А теперь повторяйте за мной, молодой человек... – Опять эти искры веселья; я был словно околдован ими до полубабытия... – Уважать, заботиться и беречь, пока смерть не разлучит нас.

– Уважать, заботиться и беречь, пока смерть не разлучит нас, – произнес я вслед за ним, и все мое тело задрожало

от предвкушения, мои внезапно ослабшие колени подогнулись, а сердце воздержалось на секунду от своих обязанностей и чуть было не остановилось.

– Теперь можете приложиться губами, молодой человек.

Что я и сделал, поцеловав пачку из ста пятидесяти тысяч купюр – примерно четыре моих годовых оклада, – которую протянул мне один забавный тип, богатый делец, которому суждено было стать моим первым клиентом и прожить свою жизнь в качестве одной из моих золотиносных жил. Я сразу же почувствовал несказанное облегчение: все оказалось таким, как мне и представлялось, а не ловушкой, в которую я мог попасться в силу своей наивности. Обрекать себя на гроши? Увольте. Увольте сразу!

Итак, обмана не было и в помине: едва я произнес «Торжественную клятву российского бюрократа», как мир перевернулся! Мне тотчас выделили новенькую служебную иномарку и забросали приглашениями на всякие корпоративные вечеринки, которые так любят посещать всякие корпоративные любители выпить.

Стоит ли говорить, что на последовавшем фуршете мне следовало быть счастливейшим из смертных? Именно таким я себя и ощущал! Я был бескрайне счастлив, что принадлежу теперь к элите, к величайшему мужскому братству – корпусу государственного чиновничества! Море анекдотов, шуток, улыбок, подмигиваний, похлопываний по плечу, полезных подсказок и наводок, рукопожатий, Ну и, конечно, сто-

лы, ломящиеся под горками икры, ароматными ломтиками салями и эксклюзивными марками шампанского, которого было столько, что в нем могла бы захлебнуться и утонуть сама реальность... Теперь я понял, отчего Директор Департамента так любил нам повторять с улыбочкой беспечного блаженства: «Что наша жизнь? Икра...»

Я был пьян, хотя во рту у меня не побывало и капли спиртного. Я был пьян от всех этих приветливых и радостных лиц вокруг меня, ведь они были приветливы со мной и рады за меня! То было ощущение триумфа, ради которого стоит пройти путь, полный любых испытаний, причинить любую боль, выведать и продать любую тайну, попать все принципы и простить все грехи, продать душу и отдаться дьяволу. Я был на шестом небе блаженства и уже должен был вот-вот достигнуть седьмого, как ребята сунули мне в руки ножницы и многозначительно подмигнули, как бы давая понять, что главное в нашем деле – делиться. Откуда мне было знать, что эти чертовы ножницы были просто символом и что мне не нужно было ничего ими резать?

Разговоры и смех сразу стихли. Все повернулись в мою сторону и уставились на меня то ли в ужасе, то ли в недоумении. Тишина была настолько полной, что я едва не завизжал. Когда я пришел в себя, зал был пуст. Полубанкноты номиналом в две с половиной тысячи рублей лежали в сейфе. От приглашений же на корпоративные вечеринки, служебной машины и золотой авторучки остались лишь воспо-

минания. Из красноречивого взгляда моего уже бывшего начальника мне стало ясно, что он меня теперь и с телескопом не узнает, стой я от него в ясный солнечный день всего в паре шагов.

Ну что ж, по крайней мере конец мой был славным. Славным не в том смысле, что я мог бы гордиться таким концом. Но все же всем присутствующим будет о чем вспомнить, о чем многозначительно покачать головой и глуповато улыбнуться. В одном сомневаться не приходилось: то был конец. Надеяться на что-то было бесполезно. Мои бывшие «братья» – не такие люди, что легко все простят и забудут.

Конец мой был к тому же и внезапным. Конец моей сказки. Зато теперь я мог с определенностью гордиться тем, что всего, чего я в жизни не добился, я не добился сам.

На меня разом нахлынули гнусные чувства и ощущения: жалость к себе, гнев, першение в горле, банальные мечты о мести, зуд в мокрых подмышках, видения моего будущего триумфального возвращения в лоно бюрократии. Проку от всех этих чувств и ощущений не было никакого, поэтому я быстренько разделался с ними, выпив три бокала ледяного шампанского и завалившись в горячую ванну. Не стоит поддаваться сантиментам. Надо оставаться реалистом. Я вот им остался – у меня попросту не было другого выбора, когда невозможное вновь стало невозможным.

И вот тут-то, оценивая свою жизнь, пока пузырьки шампанского будоражили мне кровь, я понял, что ненавижу

эту страну. Да, да, именно так: единственным оставшимся во мне ощущением после того, как я снял першение в горле шампанским и поскреб в подмышках, была смесь разочарования и ненависти. Непросто, знаете ли, любить Родину, когда она вынуждает тебя жить всякого рода ухищрениями, особенно когда ухищрения не срабатывают. Вы ведь не любите мачеху, если она обращается с вами как со своей забитой Золушкой? Да, да, приходится жить ухищрениями, знаете ли... Вот хотел ли я стать чиновником по зову сердца? Да ничего подобного. Сколько себя помню, я всегда хотел стать уличным продавцом мороженого, катить перед собой белоснежную тележку, облачившись в замызганный фартук и обжигая прохожих обледеневшей улыбкой: свежий воздух в любое время года, милые перебранки с покупателями, обнаружившими у себя в сдаче меньше копеек, чем рассчитывали там найти, а вокруг – лица, лица, лица... Море приветливых, радостных лиц...

Но мечте моей не суждено было сбыться: от нас ожидается выбор рода занятий, к которому приемлемо слово «успешный», в котором есть место ухищрениям, а не обледеневшим улыбкам, в котором расплачиваются толстыми пачками купюр, а не мелочью, в котором ценится хватка волка, а не безобидные перебранки с покупателем. От жизни со смыслом мы бежим к жизни с вещами. Раньше рождались поколения, желавшие сделать что-то для человечества. Теперь же – если и делать что-то, то только для себя. Кто богаты, тем и рады.

Если у тебя непрестижная работа, сколько ты способен заработать? Достаточно, чтобы насмешить девушек, но недостаточно, чтобы быть им интересным. Не вышел ни рожей, ни зарплатой, короче... Это обо мне.

Вот действительно, что зарплата мороженщика против самоуверенных и, куда ни глянь, совершенно неприветливых цен? С некоторых пор слова «дорогая моя столица» приходится воспринимать исключительно буквально... Зашел тут на днях в магазин: литр молока 2,5% жирности уже 48 рублей стоит! При таких ценах поспевать за ритмом жизни и ее соблазнами совершенно невозможно. При таких ценах я сам себя скоро доить начну! Недаром в связи с обнищанием широких слоев населения в России прижился новый вид подарка: поздравительная шоколадка.

Вообще, Россия – забавная страна: в ней растут не зарплаты народа, а прибыль спекулянтов. Прочитал недавно, что цены на квартиры стали падать и трехкомнатную в спальном районе Москвы можно купить теперь за «какие-то там», как выразился автор статьи, 12 миллионов рублей. Представляете, за каких лохов нас держат, если надеются впарить нам несколько бетонных плит и четыре пластиковых окна за 12 «лимонов»? Последнее время, если я встречаю где-то надпись «Программа жилья», мне почему-то ненароком читается: «Программа жулья»... В России хорошо быть спекулянтом, а вот народом – не очень...

Все это и привело меня однажды к мысли, что неплохо бы

стать чиновником. Если знаешь нужных людей в государственной машине, стать одной из ее шестеренок нетрудно. Стоит ли говорить, что как шестеренке тебе регулярно перепадает маслице и все такое. Однако, чтобы тебе регулярно перепадало маслице и все такое, нужно что-то давать взамен. Платить благодарностью, пусть и материальной. Делиться. А где взять это *что-то*? Для этого-то и нужны ухищрения, уловки, махинации, изворотливость и лукавство. Я, конечно, понимаю, что махинациям не место в государственной машине. Ну, вы еще понимаете. Кто-нибудь еще? То-то и оно...

Ну вот, теперь, когда вы усвоили, что идеальная государственная машина существует лишь в воображении авторов утопических романов, вы в состоянии будете понять следующее: функции ее больших и малых шестеренок определяются не столько конструктором, сколько самими шестеренками, потому как существуют не только государственные интересы, но и частные. Последние существуют, и уже потому их необходимо удовлетворять. Вы можете спросить, можно ли считать государственным служащим государственного служащего, удовлетворяющего свои частные интересы методами, которые больше подходят какому-нибудь пройдохе? Ответ утопической литературы будет отрицательным, а вот ответ объективной действительности – утвердительным. И сто, и двести, и тысячу лет назад среди чиновников преобладали воры, среди трудящихся – пьяницы, среди отпрысков благородных кровей – законченные мерзавцы, среди интеллиген-

ции – бездари, среди солдат – трусы. Ну? Вы по-прежнему не согласны с товарищем Котом и не верите в несовершенство природы человека?

Меня всегда занимал вопрос: откуда в России столько пыли? Мы не пустыня, и тем не менее пыль везде. Пыльные улицы. Запыленные окна. Запылившиеся верования. Запылившиеся понятия... И как-то до меня дошло! Пыль – это наши мысли, которые оказались никому не нужны. Мы, русские, любим подумать, порассуждать, повертеть идею, будто это тушка кролика на костре, облизать ее со всех сторон, как петушка на палочке. Если бы мысли могли превращаться, скажем, во взрывоопасные вещества, мы бы взорвали планету одной мощью своей мысли. Но каждому наплевать, что там думает кто-то еще. Поэтому умом Россию не пронять и не поднять. Нет, только не умом.

Мне захотелось крикнуть:

– Куда, куда плетешься ты, двуглавая тройка Русь?

И я закричал. Я повторял свой вопрос снова и снова; я кричал навзрыд, уставившись в потолок, всматриваясь в запотевшее зеркало, любуясь элегантной линией моих коленей...

Кричал, пока в ванную не заглянула мама и не утихомирила меня веником, после чего в моей умиротворенной голове долго гудело, а я пытался разобраться в хаосе смешавшихся в кучу мыслей, в котором солировала одна, которую я поначалу никак не мог опознать. В конце концов я разобрался,

что это была за мысль: я же брюзжал по поводу того оптимистического бардака, в котором пребывает и будет пребывать страна наших отцов и детей. Точно, то была именно эта мысль. Раньше Россия была лишь неумытой, а теперь еще и непричесанная, и с невыбранными вшами. Историческая беда России – в ее размере и всех правительствах, которые эту беду принимают за преимущество. Такая вот она, наша тайна за семью печалями. Зачем мы приумножились таким количеством земель? А ведь русскому человеку нет ничего милее уголка, где он родился. Это властителям нашим нейдет. А нам... не нужен нам берег турецкий: нам турок хватает и здесь.

«Почему же размер – беда?» – спросите вы. Отвечаю. Возьмем последние новости: в Арктике обнаружены невиданные запасы нефти. Вроде я радоваться должен, что обнаружены они не где-то в Аравии, а у нас под боком. Но ведь нам же драться придется за эту нефть. Драться с оружием в руках, а не только с «Паркерами» в карманах. А потом? Вы представляете, сколько еще миллиардов тонн бензина и керосина будет сожжено? И ими будет отравлен воздух, которым я дышу. В чем тут выгода-то? Подвох это очередной и издевательство над здравым смыслом. Мы производим клей, который не клеит, лыжную мазь, которая только мешает лыжам скользить, лекарства, которые калечат, несмываемую краску, которая отваливается сама по себе... Я так думаю, все это мы производим из одного и того же веще-

ства, в которое каждый раз добавляем разного цвету и запаху. А как иначе это объяснить? Понятно, что не боги горшки обжигают, и посему горшки наши далеко не идеальны. И все же...

После того как вместо автоаптечек у нас узаконили пародию на них, у меня не осталось никаких сомнений, что и Россия – не страна, а пародия на страну. У нас ведь не автомобили, а пародии на них, не дороги – а пародии на автотрассу, не президенты, а пародии на президентов. У нас только беды и дураки настоящие. Да такие, что врагу только и пожелаешь.

Безалаберности этой конец настанет не скоро: пусть у нас заводы и останавливают, но только чтобы отдать их под торговлю еще более низкосортным китайским ширпотребом. Вот говорят, одежда не красит человека. А что тогда у меня ноги посинели, едва я надел новые китайские джинсы?

Почему в стране самых красивых женщин выпускаются самые страшные легковушки? Кстати, у вас не возникает мысль, что отечественные автомобили дополняют впечатление помойки, в которую превратился наш придорожный ландшафт? Да, да, именно помойки. А сами дороги? Кажется, посыпь их зимой дробленным камнем, и дело с концом. Но нет! Мы будем посыпать их песком, еще одним источником вездесущей пыли. Но и это еще не все. Власти нашей управы разродились просто феноменальной технологией: поскольку весной, когда сходит снег, обочины дорог все равно не уступают по засоренности пляжам после морско-

го шторма, зачем завозить песок? Дешевле посыпать обледеневшее полотно мусором. Хотя определенные проблески разума все-таки налицо. Например, асфальт теперь кладут не только зимой, но, бывает, и летом! Сам видел. Но делать дороги хорошими тоже нельзя: плохие дороги в России – не зло, а благо. Чем хуже дороги, тем с меньшей скоростью носятся по ним дураки. Да, тормоза придумали трусы. Те, что не хотели быть задавлены идиотами. И что? Не вижу, за что здесь в трусов можно бросить камень.

Кстати, мне удалось вновь заполучить то, чего я, казалось, лишился навсегда при изгнании из рядов бюрократов: я повторно вытянул билет в прибыльный мир ухищрений, уловок и махинаций, и более не маюсь, как какой-нибудь бюджетник со списанной торбой. Работаю я теперь в одной юридической конторе. Работа такая, что мы то и дело преступаем закон, и даже чаще, чем «то и дело». И в этом, как я убедился, и кроется истинная природа юридических фирм, во всяком случае, когда речь заходит о неписаных законах этики, морали, справедливости и чести. С другой стороны: ухищрения, не ухищрения – кому какое дело? Приходится зарабатывать себе на жизнь, и делать это можно по-разному. А вот если нормально зарабатывать ты не в состоянии, что у тебя может быть за жизнь? Эх...

Только не подумайте, что мы – люди без принципов. Принципов у нас как раз навалом. Первый принцип нашей конторы гласит: «Наши возможности не должны мешать на-

шим желаниям». Поэтому возможности наши желаниям под стать. Я вот в Отделе сказок. Нет, у нас, конечно, нет ни фей, ни колдунов. Нет даже эльфов или троллей. Зато у нас есть один парень с невероятно выдающимся лбом, насаженным на невероятно умную голову. Вот он-то и сочиняет сказки. Да, да, сказки. Вы не ослышались. Вы просто еще не слышали, какие именно сказки. Надеюсь, вы слышали о людях, вынужденных покидать родину по политическим и религиозным мотивам? Так вот, беженцы эти бывают разными. Есть среди них люди, которые будут биться за свои политические или религиозные убеждения до последней капли крови. А есть такие, что будут выдавать себя за людей, готовых биться за свои политические или религиозные убеждения до последней капли крови. И они будут выдавать себя за них до последней капли крови, потому что это – их единственный шанс уехать из России в одну из стран Запада. Мы – юристы, специализирующиеся в вопросах эмиграции, а сказки – одна из составляющих успеха в нашей сфере.

Работы у нас хватает. Есть немало людей, которые в силу глупости или лени не получили в свое время хорошее образование. А ведь хорошая профессия сама открывает эмигранту двери. С другой стороны, они не настолько глупы, чтобы драться за ключи от этих дверей до последней капли крови. За них деремся мы. На бумаге. Если бы листы бумаги были живыми существами, многие из них умерли бы от стыда от того, что бывает на них выжжено. А так никто и ничто

этого сразу не имеет. Мы-то точно не имеем.

Что касается собственно нашего литературного кружка, выгода от него двоякая. Во-первых, не будь Отдела сказок, не было бы в этой фирме и нас самих. Во-вторых, увлекательнейшее чтение здесь не редкость. Буквально на днях я весь изошел слюной над последним творением Гениальной Головы, а именно – его сказкой о приключениях некоего Александра Митина, одного из наших последних приобретений в ряду претендентов на отправку в дальние страны. А отправить его туда мы могли, только сочинив очередную басню о том, как наш клиент настрадался в руках ментов и прочих супостатов, не погнушавшихся оскорбить, избить, унижить и расчленить его – что они регулярно и делают на бумаге со всеми нашими подопечными.

На самом деле сказкой этот документ можно назвать лишь условно: все ключевые события, служащие основой для повествований о трагической доле наших клиентов, и имена действующих лиц реальны. Да, собственно сами рассказы – плод воображения Гениальной Головы. Ну и что? В этом и заключается его работа, а Россия сама себя уже настолько дискредитировала, что наши сказки и подтасовки фактов не могут повредить ее и так донельзя испорченному имиджу. Поэтому совесть моя столь же чиста, что и совесть любого другого человека, которому платят за то, чтобы он забыл о порядочности. Кристально чиста.

Недавний пикет феминисток перед Центром пластиче-

ской хирургии пришлось как нельзя кстати. Девчата устроились перед входом в Центр, чтобы приветствовать представительниц прекрасного пола, решивших прибегнуть к подтяжке лица и переработке фигуры в надежде, что это поможет им обрести счастье, спасти разваливающуюся семью, рущащиеся отношения или резко пошедшую под откос карьеру. Ну, вы в курсе, сейчас это крайне модно: рестайлинг там, ребрендинг, ремординг... Приветствовали они их следующим плакатом: «Ну что, счастлива? Тогда улыбнись! Если сможешь...» На их беду именно этот день выбрала для посещения Центра третья леди государства. Закончилось все вмешательством ОМОНа и невероятными приключениями уже упомянутого А. Митина, по любимой мозоли которого омовцы прошли не менее десятка раз, а самого его арестовали, отлупили, полузадушили пластиковым пакетом, заставили пить мочу и есть гашиш, лишили ежедневного свидания с любимой газетой, нового свитера и человеческого достоинства.

– Тебе бы детективы писать, – сказал я Гениальной Голове, закончив читать эту невероятную историю.

В ответ тот скорчил кислое лицо и задумчиво пробормотал:

– Да писал я когда-то уже, писал...

– Да ты что? И как?

– Слушай, не хочу об этом...

Ну и ладно! Все равно это был настоящий шедевр эписто-

лярного жанра!

Однако товарищ Митин отчего-то был другого мнения, о чем он не преминул заявить мне, едва появившись в то утро перед моим рабочим столом и швырнув мне в лицо копию замечательной истории, живописующей его приключения. Он даже позволил себе назвать эту историю ложью. Представляете себе? Ложью! Его выпученные глаза при этом были какими-то квадратными. Насколько я помнил, раньше у него были выпученные глаза обычной, круглой формы.

– Что именно здесь ложь? – грозно спросил его я, закипая праведным гневом.

– Да все! Взять хоть это ваш пикет. Что мне там было делать, среди феминисток?

– Вы имеете что-то против феминисток? – Гениальной Голове пришлось явно не по душе подобное отношение к его гениальным мыслям.

– Вовсе нет... Что вы, что вы... – пробормотала, заикаясь, эта несурзанность, ради которой беззащитные женщины сражались с беспощадным ОМОНОм.

– Вот и отлично. – Гениальная Голова признал свою победу легким наклоном своего светлейшего лба и вновь погрузился в чудесный мир фантазий.

Товарищ же Несурзанность снова повернулся ко мне и, придвинув свое лицо к моему, прошипел:

– Этот человек в вашей небылице...

– Кто именно?

– Который пытался задушить меня пластиковым пакетом, тушил о меня бычки, красил мне ногти гуашью и лизал уши...

– Так?

– Лейтенант Бурков...

– Так, так, так?

– Я его знаю...

Я же говорил, что мы оперируем только реальными фактами и реальными именами. Мне было совершенно непонятно, на что этот человек вообще мог жаловаться, если он сам признавал достоверность наших сведений.

– Он – мой шурин...

– Ага... – Я с сочувствием вздохнул. – Так, так, так?

Я пристально посмотрел на нашего клиента, приглашая его взглядом дополнить наш рассказ собственными впечатлениями, не щадя при этом своего недостойного родственника.

– Он никогда не стал бы измываться над арестованными. Надо мной – тем более, – заявил этот покровитель неслыханных жесткостей, без сомнения про себя посмеиваясь над нами. – Я ручаюсь вам за его репутацию...

– Не надо все настолько усложнять, товарищ Митин.

При этих словах Начальника Отдела, следившего за нашим разговором из-за стопок последних сочинений Гениальной Головы, занимавших почти весь его стол, свежеупомянутый товарищ крутанулся вокруг собственной оси, будто

подстреленный преступник.

– Да ничего я не усложняю! – Как видите, клиент наш отличался просто отвратительным характером. – К тому же... к тому же тут путаница с датами выходит: как раз пятнадцатого у шурина был день рождения, и он даже не дежурил. Нас вообще не было в городе: мы уехали отмечать день рождения на природе...

Босс грозно посмотрел на него:

– Не надо все запутывать до невозможного, товарищ Митин.

– До невозможного? Да это смешно! – Товарищ Митин кончил запинаться и принялся орать: – Это все ложь! Наглая ложь!

– Никакая это не ложь, а всего лишь плод необычайно богатого воображения, – Босс никогда не упускал случая выразить свою гордость нашим гением рассказа.

– Плевать: я пришел расторгнуть договор.

– Товарищ Митин, я вижу, те неприятные, даже шокирующие вещи, которые вы узнали о своем родственнике, сильно расстроили вас. – Никогда не премину лишний раз показать Начальнику Отдела, что ему стоит видеть во мне нашего гения убеждения. – Только представьте себе, какие еще невзгоды вам придется пережить, если даже люди, которым вы доверяли, оказались способными на подобную подлость. Единственный для вас выход – сотрудничество с нами. В России сама ваша жизнь подвергается постоянной опасности, в то

время как мы предлагаем вам исключительные эмиграционные перспективы.

– Вы знаете... Вообще-то, я бы лучше остался... Если вы не возражаете...

Ситуация становилась критической. Я попытался быть еще более убедительным:

– Есть страны с ужасно низкими показателями в сфере защиты прав человека. Примером здесь, к сожалению, может служить наша страна. А есть страны с ужасно высокими показателями. Подумайте о этом... Подумали? Согласны? Что? Давайте уже, соглашайтесь: наше предложение не вечно.

Терпеть не могу людей, которые не в состоянии разобраться, что для них хорошо, а что – плохо.

– От него и не требуется никакого согласия, – сказал Босс.

– Не требуется?

– Все уже организовано.

– Организовано? Что значить «организовано»? – Судя по его реакции, товарищ Митин на дух не переносил это слово.

– Послушайте, милейший, вы не можете вот так вот взять и помахать нам ручкой после всего, что мы сделали для вас, – пояснил Босс. – Людям, которые финансируют нашу работу, требуется, чтобы мы выдавали в год на-гора определенное число политических эмигрантов. Сейчас экономическая ситуация в России начинает выправляться, и число желающих уехать падает. У нас каждый клиент на счету. Мы не можем

просто взять и отпустить вас.

И тут товарищ Митин совершил поступок, который пред-
решил его судьбу: он вскочил на ноги и отчаянно бросился
к двери, словно безгрешная душа, улепетывающая из Ада.

– Тревога! – заверещал Босс, жертвуя своим мокасином
из нежнейшей замши ради того, чтобы остановить грязные
ботинки беглеца.

Когда товарищ Митин очнулся, он уже был крепко за-
фиксирован на стуле, который так необдуманно покинул
несколькими минутами ранее, а Босс готовился скормить
ему содержимое одного пузырька, наполненного таблетками.

– Надеюсь, вы не станете сейчас уверять меня, будто знае-
ете, что делаете? – пискнул наш клиент, с ужасом косясь
на пузырек.

– Да знаем мы, знаем, – кивнул Босс и запихнул в рот това-
рища Митина полную горсть таблеток, вырубив его повтор-
но за менее чем пятиминутный срок.

К сожалению, я не могу привести здесь название данных
таблеток, поскольку дети тоже читают книги, а потом пы-
таются на практике применить всякую ерунду, которая там
встречается. Достаточно будет сказать, что подействовали
эти таблетки быстро и эффективно.

– Мы делаем это из лучших побуждений, товарищ Ми-
тин, – напутствовал я его. – Исключительно из лучших по-
буждений.

Гениальная Голова вынул изо рта сигарету и прижег ею

уже бесчувственное тело.

– Какого черта... – я схватил его за руку и грозно посмотрел ему в пространство между бровями.

– Для наглядности. Теперь никто не скажет, что мы экспортируем некондиционный товар.

– Отлично! – Начальник Отдела был снова бодр и доволен жизнью. – А теперь позовите-ка кого-нибудь из секретарш...

Глава 2. Рассказ Кондора Фрауна, весьма многообещающего молодого человека

Мало что способно воодушевлять меня в той же степени, что и заседания Кабинета на Даунинг-стрит, 10. Все дело здесь, бесспорно, в нашем дражайшем Премьер-министре, Пони Эклере. Он способен вывести вас из глупчайшей апатии, подобно остройшей шпоре, уже одним своим словом.

– Всем доброго утра! – именно так, воодушевляющее, поприветствовал он нас сегодня, и уверяю вас, целый баррель колумбийского кофе не смог бы встряхнуть меня – а я вздремнул немного за занавесочкой – лучше, чем этот голос. – Леди и джентльмены, хочу сразу же поведать о главном: нам необходимо восстановить доверие к нашему Правительству.

Вот! Теперь-то уж никто ни из наших соратников, ни противников не осмелится утверждать, что Премьер-министр недостаточно компетентен: он сразу же взялся за решение самой насущной проблемы. Что может быть важнее доверия к Правительству? Стоит ли разочаровывать электорат снова и снова, если в итоге доверие восстановлено быть не может?

– Значит, вы уже решили, что скажете в своем выступлении по проблеме кризиса, сэр? – внезапно спросил кто-

то, перепрыгивая с одной темы на другую, словно лягушка, за которой гонится любопытный щенок, хотя мои мысли все еще были заняты проблемой удержания доверия к Правительству на должном уровне; иногда просто невозможно участвовать в беседе, которая ведется буквально галопом!

Однако нашего дражайшего Премьер-министра этим с толку не сбить: он неподвластен подвохам диспутов или, скажем, здравого смысла. Человек, доложу я вам, исключительнейший!

– Это все безответственность предыдущего Правительства, – заметил он не без оснований. – Совершенно очевидно, что оно оказалось неспособным выполнить возложенные на него обязанности...

– Предыдущее Правительство возглавляли вы, господин Премьер-министр.

– Как некстати... – Как бы то ни было, сбить с толку нашего Премьер-министра – задача не для дилетантов. – Ну ничего... Я просто обращусь к нации и расскажу людям, во что я верю. А верю я в безотказность моей харизмы, моего нимба, моих белых крыльев, которые неплохо было бы почистить – но это уже другой вопрос. Таким вот, собственно, и будет наш ответ! – Подобно Ахиллесу, он вырвал швабру из рук проходившей мимо уборщицы и торжествующе поднял ее над головой в знак того, что если нас что и может напугать, то только не чистка и не уборка, а самоуспокоенность; если бы мы жили в эпоху Античности, Премьер-министр был бы од-

ним из тех героев, о титанических подвигах которых слагались песни и поэмы; он настолько выше простых смертных, что нет такой проблемы, которая могла бы от него так просто отмахнуться. – Когда я снова растолкую нашим соотечественникам, что мы – величайшая нация на Земле, они не смогут ничего возразить. Им нечего будет возразить в ответ на мое обаяние и мой посыл. Главное здесь – говорить о вещах, о существовании которых люди даже не подозревают, и таким образом заставить их поверить в то, что все, что я говорю – истина, поскольку нисходит она к ним с губ высшего государственного управленца, стража страны, кормчего нации, вершителя свершений, главного верователя верований!

У Премьер-министра уже вошло в привычку время от времени фиксировать на мне свой взгляд, как бы испрашивая моего одобрения относительно своих высказываний, на что я неизменно отвечаю вежливым и грациозным наклоном головы, давая понять, что я полностью разделяю его драгоценнейшее мнение. Ко всему прочему, я записываю в свою записную книжку его наиболее блестящие мысли. Кстати, я и сам уже неоднократно высказывал наиболее блестящие мысли, в связи с чем Премьер-министр лично поздравил меня, что стало для меня величайшей честью. «Масло масляное, а государство государственное» – один из шедевров моего авторства. Слышали, конечно? Весьма надеюсь, что войду в историю не только как наипрекраснейший политик, но и наивыдаю-

щийся оратор.

Сила политических деятелей кроется прежде всего в том, что они говорят, а не в том, что делают, и уж поверьте, наш дражайший Премьер-министр – политик наисильнейший. Никаких сомнений по этому поводу быть не может: что бы он ни говорил, его слова всегда преследуют определенную цель; что бы он ни делал – когда он делает что-то, кроме как говорит, – делает он это просто наивосхитительно. Благими намерениями выложена дорога в ад, а благими обещаниями – в политику.

– А что думает Министр финансов? – спросил кто-то с явно злым умыслом, в то время как я еще был полон раздумий об искусстве красноречия.

Я сразу понял, откуда брошен камень. Стоит Министерству иностранных дел совершить очередную оплошность и очутиться на краю не своей тарелки, как его глава пытается скрыть собственную несостоятельность путем нападков на жертву своих низких инстинктов самосохранения. Однако в этот раз он жестоко ошибся, надеясь возложить вину за нынешний кризис на финансовую политику или обращение денежных знаков в стране.

– Кстати, Министр иностранных дел... – наш дражайший Премьер-министр ткнул пальцем в направлении этого зубоскала, как будто вспомнив о чем-то важном, – мне хотелось бы услышать ваши разъяснения по поводу экстравагантного поведения одного из ваших сотрудников, а именно

Посла Ее Величества в Узбекистане.

– Пос... пос... пос... послал Ее Величество? – зубоскал иностранных дел чуть было не проглотил свой язык, когда понял, что в этот раз он попытался выплеснуть ведро помоев против ураганного ветра.

– Именно! Это абсолютно недопустимо, знаете ли, милостивый государь, чтобы наш Посол позволял себе публичные заявления о Президенте Узбекистана, критиковал его Правительство за нарушения прав человека и слал мне письма с подробным описанием пыток и убийств узбекских оппозиционеров. Это может нанести непоправимый вред нашим деловым интересам в Узбекистане. Это может нанести непоправимый вред диктаторской стабильности других дружественных нам режимов в этом регионе. Вы только представьте себе: он шлет эти досье о якобы имевших место преступлениях узбекских сил безопасности. И шлет их напрямую мне! Он что, рассчитывает, я буду это читать? Он что, думает, мне это интересно? Кого, по его мнению, он представляет? «Международную амнистию» или ответственную державу? Вам понятно?

– Понятно, гос... гос... гос... господин Премьер-министр. У меня нет привычки топтать поверженного врага, но на этот раз я не смог удержаться от того, чтобы хорошенько пнуть его.

– Я могу ошибаться, – сказал я, ища глазами взгляд нашего дражайшего Премьер-министра и – да будь он благосло-

венен! – находя его, – но не кажется ли присутствующим, что безответственное нанесение ущерба нашим деловым интересам уже само по себе представляет достаточно серьезную основу для зарождения финансово-экономического кризиса? Какое нам дело до того, что творится в этой стране дикарей, если у наших компаний есть доступ к их природным ресурсам?

Я не мог не ощутить в себе тепло довольства при виде Премьер-министра, подавшегося вперед и внимавшего каждому моему слову.

– Нам необходимо восстановить доверие к нашей внешней политике, – подвел я итог, бросая красноречивый взгляд на поверженного оппонента. – Мы не можем допустить, чтобы отдельные государственные служащие критиковали страны, которые рассматриваются нашим Правительством в качестве стран с благоприятным для нас деловым климатом. Я считаю, что существует достаточно стран, которыми намеренно блокируется доступ наших компаний к их природным ресурсам и которые наше Правительство соответственно неоднократно критиковало в вопросах защиты прав человека. Взять, к примеру, Москву. Разве не логичней было бы слать соответствующие досье в Канцелярию Премьер-министра оттуда?

– Вот-вот... Эти чертовы Советы! – с жаром воскликнул Премьер-министр, как будто вспомнив о чем-то важном.

– Чертова Россия, – поправил кто-то.

– Россия? У-у... Это еще хуже, чем Советы. Россия потеряла значительную часть своего бывшего влияния, а теперь хочет вернуть утраченное. Невероятнейшая наглость! С нашей стороны было бы глупо вернуть русским когда-то отобранную у них часть международного влияния.

– Или неосмотрительно, господин Премьер-министр.

– Спасибо. С нашей стороны было бы неосмотрительно не возвращать русским когда-то отобранную у них часть международного влияния.

Главное в нашем деле – говорить так, чтобы никто тебя не мог понять. Соответственно, окружающие решат, что ты знаешь толк в вещах, в которых они ничего не смыслят. Порой даже я, несмотря на свои наивыдающиеся наинтеллектуальные способности, не могу постигнуть всей глубины слов нашего великолепнейшего Премьер-министра. Можно лишь восхищаться его несравненным талантом красноречия. А понять и уж тем более принять смысл его слов нам не дано.

– Неужели русские не могут быть правы хоть раз? – пробормотал глава нашего внешнеполитического ведомства.

Кто этот человек? Где откопали этот реликт диссидентства? Хоть раз своей головой он подумать в состоянии? Подобная дерзость могла бы привести в замешательство кого угодно, но только не величайшего человека, который ведет нас за собой и для которого подобные выпады и критические ситуации вообще – как французская кухня для гурмана.

– Нет, нет и нет, – таков был твердый ответ нашего дра-

жайшего Премьера. – Чтобы русские были правы хоть раз? Только не в наших глазах! Не надо опять об этом. Они неправы уже в самом своем существовании. А как насчет неправоты их менталитета? Они предлагают самые большие деньги за наши яхты, но поголовно отказываются платить за нашу интеллектуальную собственность. Это уму непостижимо!

А вот интересно, какого размера была бы яхта у Абрамовича, если бы баррель нефти стоил пятьсот фунтов? Длиной с милю, я думаю. Ого!

– Вы должны понимать, что русские всегда будут плохими парнями, – Премьер-министр терпеливо продолжил свои разъяснения, – а мы всегда будем хорошими. Если русские опять попытаются показать себя хорошими парнями, мы вновь спровоцируем их на необдуманные поступки и заставим выглядеть плохими. Эта подозрительность к русским – да что уж там скрывать, нелюбовь – являет собой генетическую составляющую нашей природы. Мы не можем допустить, чтобы столь важная составляющая ослабла и выродилась. У русских амбиции планетарного масштаба. Мы не можем им этого простить. Это их главный порок.

– У нас тоже амбиции планетарного масштаба, сэр. – Попытка со стороны раздавленного червя поднять свою мерзкую голову.

– Конечно. – Умение соглашаться со своими оппонентами по незначительным вопросам, по которым невозможно не согласиться, – признак сильного лидера. – Это наша глав-

ная добродетель.

– Вы собираетесь как-то решать эту проблему? – Иногда мне кажется, что если какой мерзавец настроен возражать вам, то сколько его ни бей, заставить его одуматься невозможно.

– Как-то решать! – вскричал Премьер-министр наизычайнейшей нотой своего прекраснейшего голоса. – Мы не просто решаем. Мы делаем все возможное! Но и на этом не остановимся. Мы ослабим Россию. Мы лишим Россию ее людского капитала. Ее истинная сила в людях, а не в разваливающейся армии. Мы сделаем все возможное, чтобы ее лучшие кадры, а также просто те, кто не прочь, перебрались к нам и стали нашей истинной силой. Ну а заодно мы будем и дальше чернить имидж России. Чернить чужой имидж крайне целесообразно: на черном фоне наши испачканные белые крылья выглядят намного белее.

Да, такой вот он человек, наш Пони Эклер: снисходительно строгий и нанеобычайно справедливый. Единственно неповторимый и неповторимо единственный. Благословенный Премьер-министр нашей благословенной нации. Но, к сожалению, даже великие люди подвержены сомнениям.

– Я твердо верю, что то, что я говорю, правильно, – двумя часами позже, как раз когда мы направлялись в Малую трапезную, где у нас была назначена аудиенция обеда, он доверил мне свои сомнения, – но что, если мое мнение о России окажется очередной бесстыжей ложью? С моими публич-

но высказанными мнениями такое случилось не раз, как бы твердо я ни верил в то, что говорю.

Ну разве эта наитрогательнейшая манера верить в себя не харизматична? Да она одна стоит того, чтобы даже враги прощали нашему дражайшему Премьеру любые ошибки, сколь бы ужасными те ни были.

– Мы, политики, должны вести за собой людей своим блестящим слогом, а если повезет, и мыслью! – Премьер-министр всегда неотступно следует данному постулату, что не может не подкупать.

Мы, политики, живем постулатами. На них зиждутся наши дражайшие принципы. Принципы – это правила, в соответствии с которыми мы правим, действуем, говорим, молчим. В связи с этим крайне важно правильно подобрать себе постулаты уже в самом начале политической карьеры.

– Кондо, мой мальчик, можешь называть меня просто Поней, – добавил Премьер-министр, усаживаясь на ближайший к камину стул и призывая меня жестом побыстрее занять второй ближайший к камину стул, поскольку день выдался довольно морозным.

...Можешь называть меня просто Поней! Ах, это был нищедрейший комплимент, которого я когда-либо удостоивался, и получил я его из уст величайшего человека современности! Это был один из тех комплиментов, что способны взбодрить подобно ящику энерготоника. Он взбодрил меня настолько, что я почти объявил войну России. Но лишь по-

что: к сожалению, объявление войны не входит в компетенцию членов Кабинета министров. Поэтому войны нам не видеть. Но я быстро утешился, вступив в единоборство с нагловатым куском курятины, который, надеюсь, в итоге сильно пожалел о своей дерзости и неуступчивости.

Трапезы на Даунинг-стрит, 10, всегда отличались монументальным величием, но при этом они по-домашнему уютны и неформальны. Одно из несомненных преимуществ профессии политика – это возможность потакать своей слабости к изысканной кухне. А если приплюсовать сюда прочие преимущества нашей профессии, становится понятным, что отказаться от карьеры политика – скорее, даже от *судьбы* политика – может только человек недалекий. Политика дает нам возможность вывести свое уже немаленькое самомнение на новый уровень. Все газеты вдруг наполнены тобой, и все, что *ты* говоришь, важно! Мне в связи с этим вспоминаются слова одного политика, хотя совсем не вспоминается, кто именно это был. А сказал он следующее:

– Меня могут убить в любую минуту! Совершить мое убийство могут в любой момент, понимаете? Они просто ждут не дождутся возможности расправиться со мной самым жестоким образом!

– Почему же вы тогда не уйдете из политики? – таким вот был абсолютно нелогичный вопрос на это признание.

– Вы с ума сошли! Я особо ничего и не умею, кроме как наслаждаться властью, – был ответ этого истинного и ответ-

ственного государственного мужа.

Я готов был предаваться подобным размышлениям вкупе с изысканным обедом неопределенно долго, но мысли мои были прерваны наиболее церемоннейшим образом. Получасом ранее Премьер-министру удался отличный стратегический маневр, когда он избавил нашу обеденную процессию от Министра иностранных дел. Однако он совершил тактическую ошибку, пригласив на высвободившееся за обеденным столом место Министра торговли и несварения желудка, чья способность раздражать окружающих не менее феноменальна, чем у Министра иностранных дел: именно он прервал мои размышления, подняв бокал вина с намерением заставить нас поверить в то, что он собирается произнести тост, и таким образом безраздельно завладеть нашим вниманием.

– Китайские компании интенсивно инвестируют в наши предприятия, сэр, – вдруг заявил нам этот политикан после того, как заручился глазами и умами всех присутствующих. – Существует реальная угроза, что рано или поздно они используют свои инвестиции в качестве политического рычага. Это недопустимо! Нам следует интенсивно инвестировать в китайские предприятия. Нет – политическому рычагу для Китая! Да – политическому рычагу для нас! Да здравствует Великобритания! Ура!

А... Все-таки это был тост... Эмоциональность Министра торговли и несварения желудка для моей язвы хуже виски, честное слово: мы едва переварили эту вспышку патриотиз-

ма, как он опять принялся ерзать.

– Господа, у нас серьезная проблема, – заявил он с озабоченным видом. – Дезодорант «Акс» поставил нашу экономику на грань катастрофы. Миллионы несчастных женщин днями напролет преследуют мачо, сдобренных этим дезодорантом, и никто из них и минуты не думает о работе!

– Подумать только... Получается, эффект от этого дезодоранта стал экономическим фактором... – Премьер-министр был озадачен. – Миллионы! Вы уверены?

– Я лишь привожу цифры с официального сайта компании, сэр. Мы на грани экономического коллапса.

Вот! Что мне оставалось делать после подобного откровения? Только допить кофе и переодеться для вечера в клубе. Кризис был вне моей власти и вне моей вины – как я честно и желал, чтобы так оно и было, все это время.

– Поэтому нам нужно привлечь еще больше трудовых мигрантов, сэр. – Министр труда, пенсионного обеспечения и внутреннего умиротворения поднял свой бокал. – Мы должны последовать примеру других ведущих стран в этом вопросе и вновь встать в их главе. В сегодняшнем мире перегонка людей из одной страны в другую видится решением любых проблем, как реальных, так и надуманных. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Так? – Наш дражайший Премьер-министр был неподдельно заинтересован. – Да, да?

Мне не оставалась ничего другого, как спокойно допить

кофе: наше продвижение к победе над кризисом было в надежных руках.

Глава 3. Рассказ Павла Доли, человека за рулем

Моим первым ощущением, когда я очухался, была непривычная такая пустота в голове: башка пустая-пустая, как бутылка без джинна. Единственное, что я помнил о том, что произошло перед тем, как я отрубился... Так... а что там произошло-то? Ах, да, помню, помню: мне в рот пытались запихнуть какие-то таблетки. Я неслабо перетрухнул и зажмурился от страха. Да так сильно, что моментально уснул.

Да и второе мое ощущение было странным: мне казалось, будто я сижу на переднем сиденье легковушки, пристегнутым к нему ремнем безопасности. Моя голова вроде как тоже была пристегнута, но оказалось, у меня просто сильно затекла шея. Я взялся руками за голову и вертанул ее вправо. За стеклом было темно, как в норе у крота ночью. Тогда я вертанул голову влево.

На соседнем сиденье сидело какое-то чудище и пялилось на меня во все зенки. Темнота была почти непроглядной, если не считать далекого света нескольких уличных фонарей, но я все равно чувствовал на себе его вытаращенный взгляд так же ясно, как червяк на рыбалке чувствует, что хоть роль у него и центральная, но отнюдь не хэппиэндовская. Вдруг чудище заговорило. Господи, это была просто говорящая машина!

Ну, вы знаете таких людей: им требуется меньше минуты, чтобы свести вас с ума своей болтовней, а о том, чтобы беседа с ними напоминала беседу, а не театр одного абсурдного актера, не может быть и речи. Чтобы выслушать всю чушь, которая вырывалась у него изо рта неконтролируемым потоком, нужно было иметь стальные нервы – у меня таких никогда и не было.

От его болтовни боль в шее моментально перекинулась мне в виски. В башке у меня заломило так, что я бросился шарить в поисках дверной ручки, чтобы вырваться из этого ада. А ручки-то и не было! Я даже не мог опустить стекло, чтобы выброситься в окно. И от дверной ручки, и от кнопки стеклоподъемника остались только гнезда: кто-то умышленно выковырял их! Выбраться из машины теперь было не легче, чем проделать математические расчеты с калькулятором, у которого лишь девять клавиш. Это была ловушка!

Я попытался придумать что-то, пока это ходячее радио продолжало вести свою передачу, но размышлять в подобной обстановке было невозможно. Вставить хоть словечко в поток его словесной диареи мне тоже не удалось. Куда там! Он просто не дал мне и звука произнести! Вы, как личности здравомыслящие, со мной, конечно, согласитесь, что люди, которые только и делают, что говорят, говорят и говорят, но при этом сказать им нечего, – это люди чрезвычайно глупые. Многословно голословные. Поэтому странно, что будущих дипломатов, набираемых из числа самой талантлив-

вой молодежи, обучают именно этому – говорить, ничего при этом не говоря.

Я запнулся и остановился. Сорока слева от меня продолжала стрекотать. Я был готов зареветь, но это вряд ли бы могло. Ясно было одно: этот трещотка слишком много о себе думал, если он вообще был в состоянии думать. Дело в том, что при достижении определенного количества слов в секунду мысли только мешают говорить. Его уровень слов в секунду был просто ужасающим. Этот репродуктор явно страдал воспалением личности. Это такая штука вроде обычного воспаления, ангины там или чирья, только больной не чувствует ни боли, ни дискомфорта.

Моя несчастная башка наполнилась тошнотворным дурманом, и на какое-то время я потерял всякую связь с реальностью. Когда связь с реальностью восстановилась, в машине почему-то были слышны новые голоса. Оказалось, на заднем сиденье у нас пассажиры, и Трещотка потребовал, чтобы они объяснили нам, кто они такие. Первый назвался Александром Митиным. Как звали второго, я не расслышал. Во всяком случае, мне поначалу показалось, что не расслышал. Мне также поначалу показалось, что у него проблемы с речью: он почти все время молчал и говорил только, если у него что-то спрашивали. И спокойный он слишком был какой-то, учитывая наше положение. Не отвечивал, короче, а шифровался, как какая-нибудь старая книжка на пыльной полке. Пусть его молчание раздражало не так сильно, как трескотня

Трещотки, но меня оно напрягало конкретно. Подозрительное оно какое-то было, это молчание – молчание человека, который знал что-то, чего не знали мы.

– Ну, почему, почему из всех сегодня именно сегодня? – запричитал Трещотка. – Почему не вчера из всех вчера?

– Н-да? А почему не позавчера из всех позавчера? – Я скривился в насмешливой ухмылке.

Этим вопросом я надеялся продемонстрировать Трещотке всю нелепость его болтовни, но тут же об этом и пожалел: он схватил меня за воротник куртки и рявкнул, загадив мне лицо слюной из своей вонючей пасти:

– Ну, и что нам теперь делать? Кто-нибудь вообще в состоянии хоть что-нибудь придумать?

Наше положение было, честно говоря, совсем не завидным. С дверей исчезли все ручки и кнопки. Мобильного при себе ни у кого не оказалось, так что вызвать помощь по телефону мы не могли. Я нашел у себя в карманах несколько банкнот и вроде как паспорт, но толку от этих бумажек было как от кружки замерзшей воды на Северном полюсе: у нас не было ни зажигалки, ни спичек, поэтому воспользоваться деньгами и паспортом по назначению мы не могли.

Трещотка перестал скулить и вновь набросился на меня:

– Твое, что ль, корыто?

– Если я за рулем, то, небось, мое!

Я огрызнулся с нескрываемой злобой, но, честно говоря, я не был полностью уверен, что машина моя: мне мерещилось,

будто я сижу в автомобиле с правосторонним рулем, хотя, скорее всего, мое сознание было все еще отравлено этими чертовыми таблетками и я был не в состоянии отличить лево от права. Трещотка лишь самодовольно хрюкнул:

– Так заводи, и поехали.

Идея, нужно признать, была неплохой. Мне даже стало неловко, что я сам до этого не додумался. Однако ключей в замке зажигания, конечно, не оказалось.

– От твоей развалины бензином прет. Фу! – Эта змея тем временем продолжала измываться надо мной. – Хорошо тут воняет! Только вот что хорошего в хорошей вони?

Пусть это была и не моя машина, но мне было жалко давать ее в обиду такому хамью: разве машина виновата, если в ней пахнет бензином?

– Туалет пахнет туалетом, – сказал я, – клубника – клубничкой, подмышки – подмышками, машины – машинами! Что тебя не устраивает?

Человек может надоесть кому угодно, но только не себе. После того как по поводу машины сказать больше было нечего, Трещотка опять принялся требовать, чтобы мы что-нибудь придумали. У всех были свои идеи, одна хуже другой. Ничего дельного, короче. Но каждый настаивал на своем и высмеивал предложения остальных. От всего этого балагана у меня опять начала трещать башка, и тут кто-то предложил проголосовать. Не знаю уж как, но я уже тогда предвидел, что даже после того, как мы выберемся из машины,

наши совместные муки не кончатся и нам еще долго придется терпеть друг друга. Поэтому я объяснил остальным, что мы не швейцарская Конфедерация и не можем проводить референдум по каждому более-менее важному вопросу. Единственным выходом для нас было назначить человека, который принимал бы решения и держал все под контролем. Главного, одним словом.

– Я буду главным! – затарахтел Трещотка.

Трещотка – из тех людей, кто с криком «Я буду главным! Я!» бросается в любую компанию; даже в ту, куда их и принимать не хотят.

А чтобы у нас не осталось сомнений, кто тут главный, Трещотка заявил, что он – наш козырной груз. И тут Митин двинул этому патефону прямо в ухо, после чего омерзительная какофония звуков наконец-то захлебнулась.

Не зря, ой не зря мне Митин сразу понравился. У меня к нему прям любовь с первого взгляда случилась, можно сказать... И вдруг он предложил выбрать главного голосованием... Тут я и прозрел: я понял, что Митин мне все-таки нравится не очень. Когда предлагаешь назначить главного, то ожидаешь, что остальные в знак благодарности именно тебя главным и назначат. А как иначе? Кто первый о чем подумал, тот это и должен получить. Иначе какой смысл чего-то предлагать? У мальчишек именно так. Да, мы теперь взрослые. Именно поэтому я ожидал, что вопрос будет решен спокойно, с максимальной тактичностью и благодарностью. Кто

первый предлагает, что надо бы назначить короля, и получает трон. Логично? Логично.

Такими вот, значит, и должны быть правила. А что я получил? За Митина проголосовали он сам и Трещотка – видно, Митин хорошо тому врезал. Я, естественно, проголосовал за себя. Четвертый субъект – за себя. Что он надеялся от этого выиграть, было совершенно непонятно. В общем, это была величайшая несправедливость в истории человечества. Все равно что если бы меня отказались назначить президентом России или королевой Англии!

– Ну, хорошо, – сказал я после того, как мне удалось заглотить горечь обиды, ведь на повестке дня у нас стояли более срочные вопросы, – что теперь?

– Я не знаю... – только и мог выдавить из себя наш новоиспеченный Командор.

– Во, это просто класс! – Трещотка чуть не помер от восторга. – Командир, а не знает, что командовать!

Меня это все достало. Просто достало! Я уперся спиной в сиденье и лягнул лобовое стекло что было дури. Я долбил по нему и долбил, как какой-нибудь чеканутый маньяк, хоть это было и нелегко: при каждом моем ударе руль в отместку лягал меня в задницу.

– Ну, давайте же! – от апатии остальных меня просто бесило. – Мне что, одному отсюда выбираться надо? Помогайте же! Помогите! Убивают! На помощь!

Наконец-то до них допер смысл моих слов, и они приня-

лись вопить и бить в стекло с какой-то злобной маниакальностью, от которой у меня аж мурашки по всей коже расползлись. К счастью, те, кто нас запер, оставили в боковых стеклах зазоры в несколько миллиметров, чтобы мы не задохнулись и не окоचурились. Поэтому наши крики смогли вырваться наружу. Я мог ошибаться насчет того четвертого типа со странным и непонятным именем и, скорее всего, странными намерениями, сидевшего позади меня, но мне показалось, что, пока мы бились за нашу свободу, он лишь похлопывал в ладоши и напевал себе под нос заунывные псалмы. Все это было очень подозрительно. Хорошо, хоть Трещотка и Командор вопили что было мочи – у меня потом три дня в ушах звенело, – и нас наконец-то услышали. Оказалось, мы были припаркованы прямо под окнами многоэтажки, и вскоре рядом с машиной приземлилось несколько бутылок и цветочных горшков, что было хорошим знаком: значит, помощи оставалось ждать недолго.

Минут через десять – хотя, может, и только через час – из темноты вынырнула милицейская машина, из которой вынырнула пара ментов. Теперь мы могли успокоиться и отдышаться. Я собрался с мыслями, чтобы объяснить им, что произошло, и тут до меня дошло, что я ни черта не понимаю из того, что менты толкуют. Вдруг у меня в мозгу как распогодилось: а менты-то по-аглицки чешут! Во дают! Секундочку! Мы что, в Англии? Во мы даем! Хорошо, это хотя бы объясняет криворульность машины, но как нас сюда

занесло?

Все это время бобби слепили нам в морды фонариками без малейшего намека на попытку вытащить нас.

– Ты только полюбуйся на этих трех голубков, Уильямсон. – Один из них поддел локтем бок своего напарника. – Покажи-ка мне свои руки, – это уже Трещотке. – Крашенные ногти! Опять сектанты какие-то! Как же вы меня достали, люди, не желающие быть людьми!

В свете фонариков я наконец-то увидел лицо Трещотки. Вернее, не столько лицо, конечно, сколько рожу. Мне такое и в самом ужасном сне не приснилось бы: его морда была вымазана зубной пастой, на висках отчетливо виднелись следы губной помады от пошлых поцелуев, а брови у него были выщипаны! Но самым забавным было то, что морда нашего дорогого Командора ничем от морды Трещотки не отличалась! Ну, и что это могло значить?

Не секрет, что у меня заразительный смех, поэтому меня ничуть не удивило, что если поначалу эти двое только тупо уставились на меня, то потом их тоже скрутило от смеха. Я же просто бился в истерике об руль, не в силах остановиться – настолько эта парочка была комична и несуразна, – пока у меня не начались колики в животе.

И все бы хорошо, несмотря на резь в животе, но было у меня такое ощущение, что что-то не так. Какой-то мерзкий червячок покусывал да покусывал мое подсознание своими ядовитыми зубками. Я резко обернулся. Подозрительный незна-

комец за моей спиной лишь похихикивал себе в кулачок, и это было его единственным вкладом во всеобщее веселье, хотя меня беспокоило совсем не это. Дело в том, что с его мордой был полный ажур: ни пасты, ни следов поцелуев, да и брови на месте... А кто же тогда был третьим «голубком»?

– Ладно, давайте вылезайте уже! – потребовал, отсмеявшись, один из полицейских после того, как они нагибались и наразгибались больше раз, чем были в состоянии.

– А мы не можем! – заметил Трещотка и опять забился в конвульсиях.

– Ах, не можете... – Жесткость голоса полицейского ничего хорошего нам не сулила, но нашего безмозглого валенка это рассмешило только сильнее.

Второй бобби предложил выкурить нас из машины огнем. Я зажмурился как можно сильнее, но в этот раз уснуть у меня не получилось. К счастью, поджигать нас не стали. Внешние ручки дверей были на месте, и все закончилось благополучно: нас выкинули из машины, нацепили наручники и снова затолкали внутрь. После чего мы были отбуксированы к полицейскому участку.

В самом участке народу была прорва. Прямо час пик в метро. Все беспорядочно сновали туда-сюда, как стая дерганых насекомых, не останавливаясь ни на секунду.

– Такое ощущение, что по крайней мере половина населения вашего городишки – преступники и у них здесь съезд, – констатировал я.

– Ничего подобного, – огрызнулся констебль Уильямсон, прорубая для нас путь сквозь эти людские заросли. – У нас тут, к вашему сведению, сериал снимают!

Не побоюсь утверждать, что наше появление произвело настоящий фурор, несмотря на присутствие одного очень известного комика. Если бы только фурор фурору не был рознью... Я все еще содрогаюсь всякий раз, как вспоминаю об этой сцене: тыщи, если не миллионы, отвратительно хихикающих, фыркающих, гыкающих морд вокруг... Хихикающих, фыркающих и гыкающих над нами! Я бы не удивился, если бы нас привязали к позорному столбу и закидали вареными яйцами и канцелярскими принадлежностями. Неужели всем этим людям совершенно нечем было заняться, кроме как пялиться на посетителей?

Не смеялся только Начальник Участка.

– Так, так... – У него морда вся была какая-то уставшая и унылая, и к тому же серая от бессонницы. – Так, так...

Слава богу, весь этот фарс не мог продолжаться вечно. Начальник Участка поманил к себе пальцем продюсера сериала и спросил, показывая на нас:

– Ваши люди?

– Вроде, нет. – Продюсер поморщился. – Уж больно грим у них непрофессиональный.

Начальник Участка тоже поморщился и заявил, что не потерпит дураков ни в своих камерах, ни среди своих служащих. Я так думаю, это был намек на действия тех двух боб-

би, что по глупости своей арестовали нас, вместо того чтобы освободить. Весь балаган сразу же прекратился, и мы были отпущены, я бы даже сказал *вытолканы* *взашей* на улицу. И никто при этом не предложил нам ни кофе, ни полотенце!

– Ну, и что нам теперь делать? – Трещотка завыл в темноту. – Кто-нибудь вообще в состоянии хоть что-нибудь придумать?

Я уже приготовился было бить ему в чело, как вдруг наш таинственный четвертый узник автомобиля заговорил. И это без того, чтобы кто-то сначала озадачил его вопросом! Он ткнул рукой в направлении мерцающих вдали огоньков и пролепетал мягким, но при этом каким-то задорным голоском:

– Прошу сюда, джентльмены.

Глава 4. Рассказ миссис Ватсон, встревоженной супруги мистера Ватсона

Мой бедняжка Джон стареет и лысеет. Старение-то у него вроде как идет естественным путем, а вот лысина – это все из-за невроза и дурной привычки рвать на себе волосы. Све-кровь говорит, в детстве он постоянно дергал себя за писюн, когда не мог найти общего языка с другими детьми. То, что корневище писюна прочнее корней волос, хорошо. Плохо то, что даже взрослым найти общий язык с другими людьми сложно. И в этом – весь корень зла, питающий другие про-блемы, в том числе и невроз.

Но ведь таким нервным он был не всегда. Это все из-за перемен, обрушившихся на наш городок несколько лет назад. Все вокруг стало неожиданно меняться. И меняться так быстро, что наш разум был просто-напросто не в состоянии поспеть за скачками перемен. Нам всегда был мил и привычен наш местный, британский образ жизни, кото-рому до недавнего времени удавалось сохраняться на окра-инах Большого Лондона. Чужестранцы же, которые вдруг повыскакивали буквально из ниоткуда, заполнили наше пространство чуждыми нам обычаями, чуждыми одеждами, чуждыми запахами и, что хуже всего, чуждыми словами.

Теперь дважды подумаешь, прежде чем решишься выйти на улицу вечером. Не из-за чужеродных запахов и слов, конечно. Беззаботный покой, который царил в нашем местечке, сколько я себя помню, исчез как утренний туман, когда в нашем районе объявились две конкурирующие группировки: банда «Сладкие Молокососы» и банда «Грязные Петушки». Лично я смотрю на все это философски: у жизни есть не только положительные, но и отрицательные моменты. Но вот Джону сложнее. Он сразу заявил, что людям, которые здесь не родились, нечего здесь и командовать.

– У нас в районе какая-то жизнерадостная преступность! – заметил он на днях. – Меня это все чертовски удручает!

Действительно, раньше преступность была более скромной. Взять хотя бы нашего соседа, Картера. Да, он мерзавец со стажем. Но его хоть как-то можно ублажить. А попробуйте ублажить людей, которые палят по вам без предупреждения...

Хуже всего то, что наши ребята, молодцы местной закваски, пытаются во всем походить на этих чокнутых бандитов и стать еще чокнутее, чем они. Своей-то головы у сорвиголов, как правило, не бывает. Ни муниципалитет, ни школа, ни мы сами ничегошеньки не можем с этим поделать. Если уж дикий английский характер проснулся, то все попытки обуздать его и смешны и печальны одновременно. То, что именно люди постарше – умнее, становится особенно оче-

видным, когда подростки дети перестают прислушиваться к твоим словам и усеивают свой жизненный путь глупостями.

Все это быстро довело моего бедняжку Джона до точки кипения.

– А! – Он теперь приходит в ярость от любого звука громче шепота. – Опять петарду взорвали! Теперь хлопушку! Теперь где-то барабанят в дверь! Да что же это такое, Господи ты Боже мой?!

– Не волнуйся, пожалуйста. – Время от времени я решаюсь на то, чтобы попытаться его успокоить. – Чего психовать-то по пустякам?

– Не волнуйся? Не собираюсь я не волноваться! – Стоит мне сказать слово поперек, как он начинает кричать уже на меня. – К твоему сведению, техногенный шум убивает. Животные от него вообще целыми видами вымирают! Эй, пацан! – ревет он в окно. – Сделай-ка потише свою музыку! Что?! Я сейчас разобью этот чертов магнитофон о твою голову, наглый щенок! Что это вообще за музыка? Музыкальные продюсеры и исполнители не понимают, что такой музыкой только усугубляют конфликты между поколениями! Как вам это нравится?

После подобных выпадов он бросает на меня украдкой виноватые взгляды, чешет себе руки в кровь с яростью психопата и пытается выманить у меня прощение окольными извинениями.

– Вот послушай меня. Современным подросткам только кажется, что они развлекаются. – Он пожимает плечами, давая понять, что это не его вина, если он вспылит: его спровоцировали. – На самом деле они лишь пытаются развлечься, но получается у них так себе. Все эти разговоры ни о чем, однообразие музыки, времяпровождения и внушенных мыслей об их исключительности и индивидуальности... Ведь это все пустое. Самая выдающаяся черта современной молодежи – самомнение. Они боятся серьезных дел и мыслей. А ведь такие дела и мысли – самое настоящее развлечение и есть. А вот знаешь, редких счастливиц из их числа, которые случайно попадают в археологическую группу или берут в руки энциклопедию, потом уже не остановишь. Настоящее развлечение – в том, что кажется скучным. Такой вот парадокс.

Пусть его извинения и поучительны, но мне от этого не легче: я даже свою музыку вынуждена слушать украдкой! Будто я какой воришка, желающий похитить душевное спокойствие своего муженька. Обожаю певицу Дайдо и ее «Белый флаг», хотя, если честно, немного раздражает, что она шесть, а то и семь раз подряд утверждает в песне, что над ее дверью белому флагу не бывать.

– Неужели ей не надоело петь об этом снова и снова? – Джон кричит сквозь дверь, услышав знакомую мелодию в сотый раз за день. – Черт побери! Меня это достало! Если ей так хочется трепать нервы своему любовнику и дальше, это

их проблемы, но доставать посторонних своими личными переживаниями – увольте! Как вам вообще это нравится?

А теперь представьте ситуацию, в которой я оказалась: Джон лысеет и звереет; у меня уже мания просто какая-то из-за всех этих белых флагов над дверьми; наше местечко стремительно несется к пропасти – как тут целая банда русских селится прямо напротив нас, в доме с привидениями! По крайней мере, говорят, что они русские. Хотя не вижу причин, почему бы им русскими не быть. И вот это просто доконало Джонни. Более странных существ, чем эти русские, не найти. Дикари. Дикари в квадрате! Какой секте они служат, только Богу известно. Они выбривают брови, а бороду – нет! И морды у них размалеваны, прямо как у индейцев, только безвкусно и неумело. Я слышала, Петр Первый запретил бороды, но теперь в России демократия, и их теперешний Царь, похоже, снова разрешил их отращивать.

Вы даже не осмелитесь вообразить ужас, который мне пришлось пережить, когда моя тележка с продуктами налетела на одного из них в нашем супермаркете. Я забылась на секундочку из-за всех этих переживаний с белым флагом: я как раз искала белой ткани, чтобы сшить флаг и повесить у нас над дверью. А тут этот русский – сидит на корточках и таинственно шевелит губами, читая надписи на товарах.

Я эту полку знаю досконально: сама не раз сидела у нее на корточках, перебирая губами и пытаясь разобраться в ахинее аннотаций. Там выставлены всякие шампуни

и бальзамы для мужских волос, от которых, может, иногда и есть толк, но чаще всего – никакого. Во всяком случае, все их обещания остановить облысение моего Джонни – брехня та еще. Самым непонятным было то, что этот безбровый русский ошивался в отделе, где продаются шампуни, бальзамы и кондиционеры для бровей и ресниц. Ну, вы знаете, о чем я: бальзамы для ресниц, секущихся ресниц, длинных ресниц, темных ресниц, светлых ресниц и тому подобное.

Моя тележка застонала от удара, а мужчина этот выпрямился и уставился на меня. Я же завизжала. Знаю, знаю: мне следовало просто упасть в обморок, но я завизжала. А теперь представьте мой ужас, когда этот русский тоже принялся визжать! И ведь у меня-то с лицом все было в порядке. Так чего он визжал? Может, у них там традиция такая в России: у нас требуется два человека, чтобы обменяться рукопожатием, а у них – чтобы повизжать.

В довершение всего этого ужаса двое человек, стоящих неподалеку, резко повернулись в нашу сторону и с удивленным видом подняли – нет, не белые флаги, а свои несуществующие брови! У меня было чувство, будто я оказалась в третьесортном фильме ужасов. Не помню, как я добралась до дома. Помню только, как всю дорогу я всхлипывала низким завывающим голосом, почти теряя сознание и ориентацию в пространстве, и обещала себе, что больше никогда в жизни не буду ходить по магазинам в поисках белых флагов.

Я заперлась и до вечера то рыдала, то пила чай, чтобы успокоиться и не рыдать. В конце концов я достаточно успокоилась и решила ничего Джону не говорить: он и так в последние дни слишком много времени проводил у окна, грозя нашим новым соседям рогаткой и от злобы вырывая у себя волосы целыми клочьями. Во всяком случае, пока об этом говорить не стоило.

Однако на этом неприятные сюрпризы Судьбы для меня не закончились. На прошлой неделе я прогуливалась по улице. Шел снег, а я ловила снежинки в ладонь и наслаждалась недолгими моментами душевного покоя. Так вот, тут, откуда ни возьмись, на меня налетел какой-то тип, сорвал с меня меховую шапку и исчез в одном из темных переулков, которые, похоже, именно для этих целей и планируются. Вы можете в это поверить? Я была настолько потрясена, что застыла на месте, боясь шевельнуться.

«Не все так плохо, – подумалось мне спустя несколько минут. – Шапке этой лет десять, и она уже вся в залысинах. Теперь-то Джон точно купит мне новую!»

И, довольная, как воробей после сытного обеда в ягодных кустах, я уже было припустила домой, как кто-то набросился на меня из темноты переулка и напялил мне на голову мою же меховую шапку! Я глазам своим не верила. Я застыла на месте и стояла, боясь пошевелиться, до тех пор, пока ледяной воздух не вывел меня из оцепенения. Что мне теперь было делать? Что мне еще оставалось делать, кроме как

самой сорвать с себя эту рвань и запулить ее в кусты? Разве моя вина, что все, что создал Бог, вечно, а на все, что создал человек, гарантия – максимум три года?

Не скажу со стопроцентной уверенностью, что этот грабитель был русским. Может, и не был. Он же не подумал ни представиться, ни хотя бы поздороваться. И все равно я вздрагиваю по ночам от одной только мысли, что в доме напротив живут русские. Слава богу, есть среди них один одетый более-менее опрятно, и лицо у него более-менее чистое. Иногда даже бреется. Мне прям полегчало, когда я узнала, что он вроде как англичанин. Даже если бы оказалось, что среди русских есть люди, которые не бреют брови, мне так все равно не полегчало бы, ведь всего в нескольких десятках ярдов от нас затаились дикари, не британцы ни на йоту. Они следят за нами из темноты грязных окон и замышляют украсть белый флаг, который я собираюсь сшить из простыни.

Теперь я понимаю, что имеет в виду Джон, когда говорит о чужестранцах, которые заполняют наше жизненное пространство, отбирают у нас нашу добрую старую Британию и поднимают свои флаги над дверьми, которые когда-то были нашими. Если вы хотите здесь жить и работать как честные люди, приезжайте и работайте. Но если вы приезжаете, чтобы грабить, убивать, взрывать нас, пожалуйста, не приезжайте. Если единственное, на что вы способны по приезду сюда, это ненавидеть нас, зачем вообще сюда приезжать?

Почему вы не останетесь там, где вам без нас хорошо?

Знаю, нет такого народа, из которого не вышел бы хоть один преступник. Не буду это отрицать. Я хочу лишь сказать, что есть ли смысл ввозить чужих преступников, когда мы со своими-то не можем сладить? У нас полно своих собственных террористов, продавцов наркотиков, насильников и прочих недочеловеков. Конечно, не все, кто приезжает к нам, – преступники, но когда поздним вечером сталкиваешься с группой молодчиков, вооруженных битами и рыскающих по улицам в поисках одиноких прохожих и их личного имущества, волей-неволей начинаешь сомневаться в природе человека. И волей-неволей складывается впечатление, что природа этих молодчиков недостаточно человечна.

Я слышу, как вы восклицаете:

– Где же ваши христианские ценности? Подставьте вторую щеку...

А я вам сейчас объясню, что вообще происходит: у нас, знаете ли, щеки закончились. Понимаете? Закончились! Теперь дело за кулаками. Христианин должен уметь не только прощать, но и страшать. Тех, кто не в состоянии постоять за себя, съедают. Разве нет? А мы не то что не в состоянии постоять за себя – это у нас жизненная философия такая, делающая из нас легкую добычу. А я вот не хочу быть легкой добычей. Я человек очень религиозный, но по мне, так неверующий атеист лучше религиозного фанатика. Религия хороша тем, что закладывает в человеке добро, высокие мо-

ральные принципы, но, может быть, ей стоило бы на этом и остановиться? Фанатизм ради истребления людей, не похожих на тебя, с другим подходом к жизни – это фактически ненависть ради ненависти. И тут уже задумаешься: а не ради ненависти ли эти люди живут, не это ли их истинная природа? А теперь вопрос. Чья вина, если я становлюсь ксенофобкой, хотя раньше я этим не отличалась? Моя вина? Или все-таки этих людей?

– Политкорректность – очередной навязанный нам культ, – талдычит Джон снова и снова. – Вот смотри. Какая польза от закона, если мерзавца нельзя назвать мерзавцем? Закон, понимаешь... К черту закон! Если законы так правильны и хороши, что же их переписывают-то снова и снова?

Выходит, у цивилизации есть и плюсы, и минусы. Можно было бы избежать минусов? Можно, если бы у них не было столько сторонников. Каждый готов гадить ради собственного комфорта, а запрещать ему и трогать его не смей: он же личность! Мы дошли до того, что личность одного человека – будь он хоть законченным негодяем – важнее всего мира... Вот говорят, что эти люди по-своему честны. Ну да, так и есть. Только это какая-то цыганская честность: вы их за руку ловите, а они нагло уверяют вас, что невиновны. У каждого своя шкала честности. Послушать любого обвиняемого, так выходит, все преступления на земле, похоже, совершаются потусторонними силами или инопланетянами, но только не людьми!

Их права? О чем вы? Единственное право, которое у них есть, – это право быть порядочным человеком. Объясните, друзья мира, цивилизации, снисхождения и прочих громких слов, почему на арест преступников требуется санкция суда или прокуратуры, а на совершение ими преступлений – нет? Может, хватит с ними нянчиться?

Из-за всех этих треволнений и тревожных мыслей я уже сама начала дергать себя за волосы. Правда, дергаю я себя за волосы очень осторожно, чтобы, не приведи Господь, не вырвать чего ненароком!

– Либерализмом проблемы преступности не решить, – говорит Джон. – Вот послушай меня. Либерализм преступника не наказывает, черт побери! Он его жалеет, отпускает под залог и на поруки и совершает любое другое антисоциальное и преступное действие, только бы его простить и извинить. Как вам это нравится? Надо работать с душой человека, а не позволять ему творить что в голову придет. Теперь, чтобы избежать наказания, достаточно апеллировать к либеральным ценностям, и вот ты уже неприкасаем! Такой вот, получается, истинный смысл у «торжества закона»: закон взял мерзавцев под свою защиту от правосудия честного человека. Мы зомбированы либерализмом, а на самом деле лучшего лекарства от глупости, чем подзатыльник, и от непослушания, чем пинок, еще не придумано. Вот знаешь, люди со средствами могут позволить купить себе безопасность от уличной преступности. Понатыкали везде за-

боров и камер наблюдения. Спрятались за толстыми стенами. А улицы от преступности кто будет очищать? Нет, не их забота. Многие политические и общественные деятели любят поучать, сами при этом идеалом не являясь. Как вам это нравится? Те же, кто действительно живут по совести, не поучают. Они подают пример.

Я так думаю, он имеет в виду Премьер-министра и прочих постоянных персонажей теленовостей. Уж эти-то обожают поучать!

– Мы никогда не обещали вам, что будет легко. И мы никогда не обещали вам, что это вообще возможно.

Это именно то, что сказал Премьер-министр в своем последнем интервью, когда его спросили о профилактике и снижении преступности. Облысеть! То есть, это... обалдеть!

– Знаешь, иногда мне кажется, что наш Великий Обещатель – не живое существо, – бормочет Джон, вперившись в экран телевизора, – а говорящий автомат, в который загрузили набор слов, и он теперь их воспроизводит в произвольном порядке.

А лично я думаю, что нет ничего хуже радикальных либералов. Кроме свободных радикалов, конечно.

Глава 5. Рассказ Бориса Хиллтона, человека, полного разочарованья

Все пошло наперекосяк с самого начала. Во-первых, руль в машине был приделан не с той стороны. Я раньше не придавал этому значения, но, оказывается, в Англии все приделано не с той стороны. Не знаю, что уж они там о себе возомнили, но они намеренно ездят по встречке. На метры и литры им вообще начхать. А как они любят поиздеваться над жителями Континента! Нас заманивают сюда красивыми туристическими брошюрками и хитрющими баснями о британской цивилизации. Мы приезжаем, а смесителей-то нет! Есть только кран с холодной водой и кран с горячей водой. Вот так вот они любят гостей: «Пускай уж лучше гость сидит как бедный родственник, чем как богатый».

Если бы только руль был приделан с той стороны, где сидел я, все было бы по-другому! Я по природе своей прирожденный лидер. До сих пор всем приходилось с этим мириться. Я и этой троице сразу об этом сказал, тем более что они и так сошлись во мнении, что им нужен лидер. Но я ж говорю: в этой стране, Англии, все растет не с той стороны. Как я могу заставить людей видеть вещи в их естественном свете, когда все глядят не в том направлении?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.